

С. В. Джунджузов**Переход в ислам оренбургских казаков-нагайбаков как кризисное явление в имперской политике религиозной аккультурации**

Изданный 17 апреля 1905 г. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» свидетельствовал о кризисе имперской политики религиозной аккультурации, ориентированной на распространение православия среди инородческого населения России. В статье на примере нагайбаков, состоявших казаками Оренбургского казачьего войска, рассматривается правовое регулирование процесса перехода крещеных «инородцев» в религию нехристианского исповедания. Государство и церковь пытались препятствовать переходу нагайбаков в ислам посредством предусмотренных законодательством правовых ограничений. Но, как показало время, «исламский выбор» носил необратимый характер. Потомки перешедших в ислам нагайбаков называют себя татарами мусульманского исповедания.

Ключевые слова: веротерпимость, ислам, нагайбаки, церковь, христианство.

«Отцу Ивану: “Я, нижеподписавшаяся, Анна Григорьевна Дмитриева. Я не желаю русской веры исповедания, а желаю магометанского вероисповедания (от души)! Анна Григорьевна Дмитриева неграмотная. А за нее по личн. просьбе и расписался Сабиров”». С таким ходатайством к священнику одной из оренбургских церквей обратилась казачка Ильинской станицы Анна Дмитриева [12, л. 14]. Столь смелое заявление о нежелании исповедовать православие, сделанное неграмотной женщиной, после ухода из родительского дома служившей прислугой в семьях состоятельных мусульман, а затем оказавшейся в публичном доме, было одним из многотысячных откликов на провозглашенную в 1905 году либерализацию религиозного законодательства. Одновременно оно являлось и свидетельством кризиса имперской политики религиозной аккультурации, ориентированной на распространение православия среди инородческого населения России.

Цель данной статьи — на примере нагайбаков, состоявших казаками Оренбургского казачьего войска, рассмотреть правовое регулирование процесса перехода крещеных «инородцев» в религию нехристианского исповедания. Источниками для ее написания послужили отчеты Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, а также материалы из фондов Оренбургского губернского правления (Ф. 11) и Оренбургской духовной консистории (Ф. 173) Государственного архива Оренбургской области. В указанных фондах представлены дела, возбуждавшиеся по ходатайству казаков-нагайбаков, изъявлявших желание перейти из православного в мусульманское вероисповедание, и резолюции, принимавшиеся по итогам их рассмотрения.

В русской публицистике полемика о легализации свободы выбора вероисповедания развернулась под влиянием великих реформ царствования Александра II. Ее поборниками выступали видные писатели, юристы и общественные деятели: Л. Н. Толстой, Вл. Соловьев, В. Д. Спасович и др. [7]. Общественное мнение и охвативший народные низы бурный рост религиозного инакомыслия подвигли Николая II 17 апреля 1905 г. подписать именной высочайший Указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости».

Издание Указа объяснялось стремлением российского императора обеспечить каждому своему подданному свободу вероисповедания «по велениям его совести». Однако в реализации этого права между отпадавшими от православия приверженцами инославных христианских и иноверческих нехристианских исповеданий имелись значительные

© Джунджузов С. В., 2018

различия. Переход в христианские конфессии не оговаривался какими-либо условиями, кроме достижения совершеннолетия. Для православных, ходатайствовавших о причислении к нехристианской конфессии, пунктом 3 Указа устанавливалось существенное ограничение. От них требовалось доказательство того, что, числясь православными, они в действительности исповедовали ту нехристианскую религию, «к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки» [20].

Начавшаяся вслед за принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» разработка правового механизма его реализации ознаменовалась дополнительными условиями, затруднявшими выход из православия или препятствовавшими ему. 18 августа 1905 г. циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел были установлены временные правила «О порядке перехода православных лиц в инославные и иноверные исповедания». Предписание для лиц «мусульманского и иных нехристианских исповеданий, числящихся по имени только православными» и желающих быть причисленными к действительно исповедуемой ими религии, устанавливалось пунктом 4 «временных правил». Бюрократическая процедура для всех без исключения православных вероотступников начиналась с ходатайства на имя местного губернатора, которое могло подаваться непосредственно самим просителем или быть переданным через представителей административно-полицейской власти в уезде — исправника или уездного начальника. В обязанности губернатора входило удостоверение того факта, что заявитель или его предки действительно принадлежали к нехристианской религии, которую «заявитель ныне признает себя исповедующим и в которую желает быть причисленным». Далее шло пояснение, существенно расширявшее толкование императорского указа и на практике служившее дополнительным основанием для отказа в причислении просителей к другому вероисповеданию. В случае затруднения установления факта принадлежности предков заявителя к действительно исповедуемой им религии следовало выяснить, уклонялся ли заявитель еще до издания Указа о веротерпимости, то есть до 1905 г., от исполнения обрядов православной церкви (не бывал у исповеди и св. причастия и т. д.) [15, л. 8].

Как правило, дознание производилось чиновниками уездного или городского полицейского управления. На подготовку и проведение дознавательных мероприятий отводился месячный срок. Главными свидетелями для них являлись приходские священники. Именно приходский священник мог точно указать, ссылаясь на исповедальную роспись, бывало ли лицо, заявившее об отпадении от православия, у исповеди и причастия до 1905 г. В обязанности приходского священника вменялось и миссионерское воздействие на вероотступников. 14 декабря 1905 г. Святейшим Синодом был принят указ епархиальным архиереям для безотлагательных с их стороны распоряжений об увещевании в течение указанного срока лиц, заявивших желание отпасть от православия, оставаться верными святой православной церкви. Для внесения соответствующих записей в метрическую книгу от приходских священников также требовалось установить время и место крещения лица, отпадавшего от православия [15, л. 1]. По наблюдению секретаря Оренбургской духовной консистории, представители приходского духовенства весьма формально относились к исполнению своих пастырских обязанностей. В рапорте, поданном 14 сентября 1911 г. на имя епископа Оренбургского и Тургайского Феодосия, им было отмечено, что некоторые священники на пастырские собеседования отпавших от православия прихожан вызывают при содействии полиции [15, л. 2].

Окончательное решение о разрешении или запрете на смену исповедания принималось особой резолюцией на заседании Губернского правления.

Право на исповедание религии предков, дарованное царским Указом Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», в Оренбургском казачьем войске нашло живейший

отклик у части калмыков и нагайбаков. Предками первых были буддисты, а вторых — представители в основном тех народов, которые в большинстве своем исповедовали ислам. Но если об оренбургских крещеных калмыках, развернувших движение за право быть причисленными к буддистам (ламаистам), уже опубликован обширный научный материал [16, с. 121—123; 17; 18], то исламизация нагайбаков в позднеимперский период как объект изучения находится в стадии становления и исследуется в контексте миссионерской деятельности православного и мусульманского духовенства [1; 5; 6].

По мнению В. Н. Витевского, основу этнической группы «казаков-нагайбаков» составили крещеные татары, поселенные в Уфимской провинции. В XVIII веке по распоряжению российских властей к ним стали подселять представителей среднеазиатских народов, калмыков, выходивших из казахского плена и принимавших крещение. В 1736 г. за верную службу Российскому государству, выразившуюся в неучастии в башкирском восстании и разграблении мятежными башкирами нагайбакских селений, нагайбаки освобожились от ясака, а земли «на 50 верст в окружности», которые они прежде арендовали у башкир, перешли в их безоборочное владение. Взамен нагайбаки обязались отправлять казачью службу.

Для управления нагайбаками было учреждено особое воеводство, административным центром которого стала основанная в том же 1736 г. нагайбакская крепость. К 1760 г. численность нагайбаков составила 1359 человек. Их поселение состояло из одного села (Бакалы) и десяти деревень. В период управления Оренбургской губернией И. И. Неплюева (1742—1758 гг.) был учрежден штат Нагайбакской крепости из 600 человек: 586 рядовых, 6 писарей, 6 сотников, одного есаула и атамана [8]. Обретение казачьего статуса сыграло решающую роль в формировании нагайбакской идентичности и выделении нагайбаков из общей массы «новокрещен».

В 1842 г. казаки-нагайбаки были переселены в Новолинейный район Оренбургского казачьего войска (часть территории современных Челябинской, восточных районов Оренбургской областей и Республики Башкортостан). Небольшими группами они были также подселены в старые станицы, располагавшиеся вдоль приграничного тракта от Оренбурга до Орска. По статистическим данным, приведенным Р. Р. Аминовым, к 1902 г. в Оренбургском казачьем войске состояло 11 900 нагайбаков обоего пола, из которых в поселениях 1-го отдела проживало 400 человек (3,4%), 2-го отдела — 8900 (74,8%), 3-го отдела — 2600 (21,8%). В географическом отношении нагайбакское население оказалось рассредоточено по 17 населенным пунктам: 1-й отдел — в Оренбургском уезде, станица Каменно-Озерная, поселок Нежинский; в Орском уезде, станица Ильинская, поселки Ильинский, Подгорный; Гирьяльская станица, поселки Гирьяльский, Алабайтал; 2-й отдел — в Верхнеуральском уезде, станица Березинская, поселки Астафьевский, Куликовский, Фершампенуазский; Великопетровская станица, поселок Парижский; Верхнеуральская станица, поселки Кассельский, Остроленка; Наваринская станица, поселок Требиятский; 3-й отдел — в Троицком уезде, Коельская станица, поселки Верхнеуевельский (Варламово), Попово; Кундравинская станица, поселки Болотовский, Ключевский-2 (Лягушино), Краснокаменский [2, с. 120].

Мнение дореволюционных исследователей о низком религиозно-нравственном развитии новокрещеных «инородцев», и нагайбаков в частности, никогда не ставилось под сомнение. По имеющимся сведениям, только в одной Казанской епархии, охватывавшей все Поволжье, до XIX века было крещено 575 104 человека. Однако, как указывал святитель Филарет, возглавлявший Казанскую и Свияжскую епархию в 1832—1836 гг., из них более половины (342 058 человек) являлись христианами только по имени и продолжали «держаться языческих и магометанских заблуждений» [22, с. 281]. В тех же выражени-

ях характеризовал отношение к христианству нагайбаков В. Н. Витевский в период их проживания в Башкирии. Не изменилось оно и после переселения нагайбаков на Новую линию. По свидетельству этнографа и историка оренбургского казачества Ф. Старикова, к концу XIX века нагайбаки не стали ревностными христианами и в их религиозном быту сохранились некоторые обычаи, унаследованные от исповеданий их предков. Как и все православные христиане, они носили нательные кресты, исполняли многие христианские обряды, соблюдали воскресные и праздничные дни. В то же время за обеденный стол садились не молясь, постов не соблюдали, редко ходили в церковь. Из обычаев нагайбаков, которые православная церковь относит к язычеству, Стариков называет праздник «жертвоприношения», отмечавшийся после окончания посевных работ [21, с. 218].

После издания Указа о веротерпимости вероотступническое движение охватило значительную часть, как о них говорили православные пастыри, «склонных к язычеству и магометанству» крещеных «инородцев». Для крещеных татар и представителей других народов, до перехода в христианство исповедовавших ислам, возбуждение ходатайств о причислении к религии предков получило распространение в тех местностях, где они соседствовали или контактировали с мусульманским населением [23]. Не было исключением из этого правила и нагайбакское население Оренбургского казачьего войска.

С. Ю. Белорусова, основываясь на анализе миссионерских отчетов и, что особенно важно, проведенных ею полевых исследований, пришла к заключению, что в своих религиозных предпочтениях нагайбакские казаки подразделялись на три территориально отдаленные друг от друга группы. Центральная группа, своевременно оказавшаяся под сильным влиянием православных миссионеров, сохранила христианскую и этническую идентичность. Нагайбаки северной группы, не затронутые особым вниманием православных и мусульманских проповедников, не отличались особой религиозностью и были отнесены исследователем к «формально православным». Южную группу нагайбаков, в большинстве своем перешедших в ислам и считавших себя татарами, составили жители поселков Оренбургского и Орского уездов, а также поселка Третьяковский в Верхнеуральском уезде [6, с. 43].

В каждом из указанных населенных пунктов внешнее влияние на вероотступническое движение имело свою специфику. Наиболее тесные контакты со светскими и духовными поборниками ислама сложились у нагайбаков в поселке Нежинском, что объяснялось его близостью к татарским деревням и к Оренбургу с его многочисленным мусульманским населением. За два года в этом поселке отпало от православия 37 семейств — 32 в 1905 г. и еще 5 — в 1906 г. В 1907 г. православными числились всего 5 семейств нежинских нагайбаков.

В Ильинском поселке в 1906 г. перешли в ислам 9 из 14 семейств нагайбаков. По отзыву ильинского приходского священника Мордова, на духовное мировоззрение нагайбаков, с одной стороны, влияло постоянное взаимодействие с башкирами, татарами и казаками (киргизами), с другой — отрицательный пример русских прихожан, которые редко посещали храм и плохо исполняли христианские обязанности [19].

Значительное влияние на религиозные убеждения нагайбаков Третьяковского поселка оказывало соседство с принадлежавшими купцу Рамееву золотыми приисками. Большинство приисковых рабочих были мусульманами. Прииски Рамеева являлись местом работы и для многих нагайбаков. Там они проводили большую часть года. Для исполнения религиозных треб и просвещения старателей при предприятии состоял мулла и было открыто медресе (начальное духовное училище).

Главная причина отпадения нагайбаков в ислам, по мнению православного духовенства, заключалась в материальной помощи, оказываемой состоятельными приверженца-

ми этой религии. Многочисленные факты проявления такой помощи приводятся в отчетах Оренбургского епархиального комитета. По пятницам купцы-татары привозили в поселок Нежинский подарки для нагайбаков. Один из самых состоятельных оренбургских купцов, Ахмет Хусаинов, откликнулся на просьбу жителя поселка Бикмухамбета Уряшева и выделил 25 тыс. рублей на строительство мечети. Соборная мечеть в Нежинском поселке была построена в 1908 г. На средства тех же оренбургских купцов в поселке содержалась школа для нагайбакских детей. Татары соседнего с Оренбургом Сеитовского посада устроили общую подписку в пользу отпавших от православия нагайбаков. На золотых приисках купца Рамеева рабочих нагайбаков, склонных к исламу, поощряли более высокими заработками и направляли на более золотоносные участки [19].

Материальная поддержка нагайбакских адептов ислама безусловно являлась важным стимулом для смены вероисповедания. В то же время стремление Епархиального комитета свести успешную деятельность мусульманских миссионеров к одному лишь материальному стимулированию выглядит как неуклюжая попытка оправдания собственного бессилия. Не менее значимой представляется религиозная ориентация нагайбаков этой группы, которая сохранялась или сложилась уже после принятия ими христианства. Здесь уместна аналогия с оренбургскими крещеными калмыками, на протяжении двух столетий скрывавшими от властей приверженность к буддизму. Разница заключалась лишь в том, что калмыки практически не имели контактов со своими единоверцами и ориентировались на доморожденных буддистских священнослужителей. И. Р. Атнагулов в качестве одной из главных причин перехода в ислам оренбургско-орской группы нагайбаков указывает азиатско-мусульманское происхождение их предков [4, с. 78; 5, с. 355].

Документальными свидетельствами исторически сложившегося тяготения нагайбаков к исламу служат представленные ими прошения о смене исповедания. Практически каждое из них начинается с указаний, что предки их принадлежали к магометанской религии и сами они, хотя и были в малолетстве крещены, но все-таки исповедовали ислам [9, л. 58].

«Объективный», с точки зрения приверженцев ислама, взгляд на историю взаимоотношений нагайбаков с православной церковью был изложен в прошении мещанина Александра Григорьевича Иванова (Юсупа Актимирова), датированном 21 января 1909 г. Документ интересен тем, что просителем в нем указан Иванов (Актимиров), но написано оно от имени мусульман-нагайбаков Нежинского поселка, которых проситель называет исключительно татарами. Исторический экскурс начинается с указания, что часть татар была насильственно крещена Иваном Грозным после взятия Казани в 1552 г. «Мера эта, — подчеркивает А. Г. Иванов (Актимиров), — как насильственная, конечно, привиться не могла, и так называемые татары крещеные всегда оставались в душе верными исповедниками мусульманской религии». Крещеные татары вынуждены были давать своим детям русские имена, ходить в церковь и исполнять православные обряды. Но уже во второй половине XIX века, по свидетельству Иванова, принудительные меры вследствие их бесполезности были ослаблены. Приходское духовенство перестало интересоваться религиозной жизнью нагайбаков и принуждать их к исполнению православных обрядов. Духовных лиц для исполнения треб по канонам ислама: наречения новорожденных, погребения умерших, проведения обрядов бракосочетания — нежинские нагайбаки избирали сами из своей среды.

А. Г. Иванов стремился убедить членов Губернского правления в том, что уже поколение его сверстников и членов их семей никогда не исполняло православных обрядов и ничего не знает о самом христианском вероучении. Они с детских лет воспитывались в духе мусульманских религиозных традиций. Исполняют все предписанные этой религи-

ей обряды. Имеют мусульманские имена. По образу жизни ничем не отличаются от своих мусульманских единоверцев, чье право исповедовать ислам признано государством [14, л. 22—22 об.].

Правовая обусловленность перехода из православия в иноверческие исповедания давала формальный повод для отказа в исключении из православных приходов нагайбаков, исповедовавших ислам. Наиболее распространенным основанием для отказа служила ссылка на цитируемый выше пункт 3 Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Причем имели место случаи, когда по аналогичным делам принимались диаметрально противоположные решения. В 1906 г. постановлением Губернского правления казакам-нагайбакам Ильинского поселка в числе 22 домохозяев с их семьями было официально разрешено причисление к мусульманскому исповеданию. Постановление основывалось на полицейском дознании, в котором указывалось, что просители имели предками магометан. Однако письменных подтверждений этому факту представлено не было, так как до принятия христианства метрических книг у нагайбаков не велось. Со времени переселения в Ильинскую станицу, официально числясь христианами, они неуклонно продолжали исповедовать магометанскую религию. «Обряды православной церкви если и исполнялись ими, то только по принуждению, т.е., значит, только за страх, а не за совесть» [10, л. 7 об.].

Через 5 лет, в 1911 г., ровно такое же решение было принято Оренбургским губернским правлением в отношении 26 нагайбаков обоюбого пола соседнего Подгорного поселка Ильинской станицы. Но Департамент иностранных исповеданий МВД постановил его отменить на тех основаниях, что просители не представили доказательств родственных связей с предками мусульманами. Кроме того, они все, за исключением И. Коновалова, до 1905 г. посещали церковь и были у исповеди [11, л. 157].

Нужно заметить, во многих случаях просители ходатайствовали не о разрешении на исповедание ислама, они, как выяснилось, исповедовали его и без дозволения властей, а «о нестеснении их в магометанской религии». Перешедшие в ислам нагайбаки акцентировали внимание на неопределенности своего религиозного статуса и невозможности регистрации актов гражданского состояния. Наиболее емко создавшееся положение описано в прошении нагайбаков поселка Нежинского: «Все наше несчастье и горе заключается в том, что мы, исповедники мусульманской религии, почему-то продолжаем именоваться в официальных документах отпавшими от православия в магометанство татарами. Мы до сего времени остаемся не причисленными к магометанским приходам, чем лишены возможности удовлетворения самой насущной и самой ценной для всякого человека духовно-религиозной потребности — открытого исполнения религиозных треб» [14, л. 19 об.].

Выстраивание бюрократических препятствий, отказы по формальным основаниям в переходе из православия в иноверческие религии положительно влияли разве что на вероисповедальную статистику и еще более усугубляли конфессиональные противоречия. Числившиеся православными приверженцы иноверия лишь укреплялись в своих религиозных убеждениях и не могли не испытывать недовольства в отношении церкви и государства.

В полной мере вопрос о свободе выбора вероисповедания был разрешен в 1917 г. после установления власти Временного правительства. 22 марта и 14 июля им были изданы постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и «О свободе совести». В первом пункте Постановления «О свободе совести» говорилось о предоставлении каждому гражданину Российского государства права пользования гражданскими и политическими правами вне зависимости от принадлежности к вероисповеданию. По усмотрению гражданина допускался переход из одного исповедания в другое или при-

знание его атеистом. Для реализации этого права достаточно было в устной или письменной форме обратиться с заявлением к местному (мировому. — С. Д.) судье [3, с. 20—21]. Примером практического воплощения постановлений Временного правительства может служить последняя запись в деле крещеных калмыков, жителей Берлинского поселка, которые, как и нагайбаки-мусульмане, долго и безуспешно добивались от царского правительства разрешения на смену исповедания. Циркуляром, датированным 27 октября 1917 г., начальнику Троицкой уездной милиции предписывалось: «...объявить просителям под подписки, что, согласно постановлению Временного правительства, опубликованному в “Вестнике Временного правительства” № 109, никакого разрешения на переход из одного вероисповедания в другое не требуется» [13, л. 26 об.].

Как показало время, исламский выбор южной группы нагайбакского населения Оренбургского казачьего войска имел необратимые последствия. Проведенное С. Ю. Белорусовой полевое исследование в бывших нагайбакских селениях показало, что потомки перешедших в ислам нагайбаков называют себя татарами. У них сохранилась негативная память о миссионерской деятельности Оренбургского епархиального комитета. Само же понятие «нагайбак» они связывают с православием, однако не отрицают и того факта, что среди их предков были крещеные татары [6, с. 49].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Список использованных источников и литературы

1. Аминов Р. Р. Отпадение в ислам и религиозное состояние нагайбаков в конце XIX — начале XX в. // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 9—15.
2. Аминов Р. Р. Нагайбаки в станичной структуре Оренбургского казачьего войска в конце XIX — начале XX в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 120—123.
3. Амоглонова Д. Д. Буддизм в Бурятии: Российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. 2015. № 26. С. 5—41.
4. Атнагулов И. Р. Конфессиональная идентичность нагайбаков в XVIII—XIX веках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. Т. 33, № 1 (198). С. 75—79.
5. Атнагулов И. Р. Становление и развитие конфессиональной идентичности нагайбаков в контексте этнокультурных взаимодействий в Южном Приуралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 353—358.
6. Белорусова С. Ю. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий // Религиоведение. 2016. Т. 3. С. 43—53.
7. Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость?: полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 24. С. 5—13.
8. Витевский В. Н. Нагайбаки, их песни, сказки и загадки // Оренбургский листок. 1878. № 24, 2 апр.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 762.
10. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 777.
11. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 966.
12. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 992.
13. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031.
14. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1089.
15. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9380.
16. Джунджузов С. В. Легализация буддизма в Оренбургском казачьем войске (1906—1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 22 (165). С. 121—133.
17. Джунджузов С. В. Миссионерское служение священника Иоанна Харитоновича среди калмыков Оренбургской епархии (1914—1916 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. С. 58—63.

18. Есикова Е. М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859—1917 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 34. № 28 (166). С. 134—141.

19. Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. Часть официальная. С. 289—290.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237—238.

21. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

22. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). Критические очерки. М. : Наука, 1967. 336 с.

23. Чикурова О. В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в условиях провозглашения Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (На примере Казанской епархии) // Государство, Общество, Церковь в истории России XX—XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Иваново, 2016. Ч. 1. С. 341—346.

Поступила в редакцию 20.01.2018

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru

UDC 94(47)“1905/1917”

S. V. Dzhundzhuzov

Transition to Islam of the Orenburg Cossacks-Nagaibaks as a crisis phenomenon in the imperial policy of religious acculturation

Published on April 17, 1905, the decree “On strengthening the beginnings of religious tolerance” testified to the crisis of the imperial policy of religious acculturation, aimed at spreading Orthodoxy among the alien population of Russia. The article, on the example of Nagaibaks, who were Cossacks of the Orenburg Cossack Host, considers the legal regulation of the process of converting baptized “aliens” in the religion of non-Christian confession. The state and the church tried to prevent the transfer of Nagaibaks to Islam through legal restrictions, provided by law. But, as time showed, the “Islamic choice” was irreversible. The descendants of Nagaibaks converted to Islam call themselves Tatars of the Muslim confession.

Key words: religious tolerance, Islam, Nagaibaks, church, Christianity, acculturation.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru

References

1. Aminov R. R. Otpadenie v islam i religioznoe sostoyanie nagaibakov v kontse XIX — nachale XX v. [The fall into Islam and the religious state of Nagaibaks in the late XIX — early XX century]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie*, 2016, no. 1, pp. 9—15. (In Russian)

2. Aminov R. R. Nagaibaki v stanichnoi strukture Orenburgskogo kazach'ego voiska v kontse XIX — nachale XX v. [Nagaibaks in the Cossack village structure of the Orenburg Cossack army in the late XIX — early XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, no. 3, pp. 120—123. (In Russian)

3. Amogolonova D. D. Buddizm v Buryatii: Rossiiskoe gosudarstvo i konfessional'naya konkurentsia [Buddhism in Buryatia: Russian state and confessional competition]. *Strany i narody Vostoka*, 2015, no. 26, pp. 5—41. (In Russian)

4. Atnagulov I. R. Konfessional'naya identichnost' nagaibakov v XVIII—XIX vekakh [Confessional identity of Nagaibaks in the XVIII—XIX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2015, vol. 33, no. 1 (198), pp. 75—79. (In Russian)
5. Atnagulov I. R. Stanovlenie i razvitie konfessional'noi identichnosti nagaibakov v kontekste etnokul'turnykh vzaimodeistvii v Yuzhnom Priural'e [Formation and development of the confessional identity of Nagaibaks in the context of ethnocultural interactions in the Southern Urals]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals: materials of the VI All-Russia sci. conf.] Chelyabinsk, 2015, pp. 353—358. (In Russian)
6. Belorussova S. Yu. Nagaibaki na perekrestke pravoslavnykh i musul'manskikh missii [Nagaibaks at the crossroads of Orthodox and Muslim missions]. *Religiovedenie*, 2016, vol. 3, pp. 43—53. (In Russian)
7. Bendin A. Yu. Svoboda sovesti ili veroterpimost'?: polemika v rossiiskoi pechati (nachalo XX v.) [Freedom of conscience or religious tolerance?: polemics in the Russian press (early XX century)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2010, no. 24, pp. 5—13. (In Russian)
8. Vitevskii V. N. Nagaibaki, ikh pesni, skazki i zagadki [Nagaibaks, their songs, fairy tales and riddles]. *Orenburgskii listok*, 1878, no. 24, Apr. 2. (In Russian)
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 11. Op. 1. D. 762.
10. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 777.
11. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 966.
12. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 992.
13. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 1031.
14. GAOO. F. 11. Op. 1. D. 1089.
15. GAOO. F. 173. Op. 5. D. 9380.
16. Dzhundzhuzov S. V. Legalizatsiya buddizma v Orenburgskom kazach'em voiske (1906—1917 gg.) [The legalization of Buddhism in the Orenburg Cossack Host (1906—1917)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 22 (165), pp. 121—133. (In Russian)
17. Dzhundzhuzov S. V. Missionerskoe sluzhenie svyashchennika Ioanna Kharitonova sredi kalmykov Orenburgskoi eparkhii (1914—1916 gg.) [Missionary service of priest John Kharitonov among the Kalmyks of the Orenburg diocese (1914—1916)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, no. 5, pp. 58—63. (In Russian)
18. Esikova E. M. Missionerskaya deyatelnost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi sredi kalmykov Orenburgskoi eparkhii (1859—1917 gody) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Kalmyks of the Orenburg diocese (1859—1917)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2009, vol. 34, no. 28 (166), pp. 134—141. (In Russian)
19. Missionerskaya deyatelnost' v inorodcheskikh prikhodakh. Svedeniya o religioznom sostoyanii nagaibakov za 1906 god [Missionary activities in foreign congregations. Information on the religious state of the Nagaibaks in 1906]. *Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 1907, no. 43, Chast' ofitsial'naya, pp. 289—290. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 3, vol. XXV: 1905. St. Petersburg, 1908, pp. 237—238. (In Russian)
21. Starikov F. *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karty* [Historical and statistical essay of Orenburg Cossack troops with an article about the domestic life of Orenburg Cossacks, drawings from the banners and maps]. Orenburg, 1891. (In Russian)
22. *Tserkov' v istorii Rossii (IX v. — 1917 g.). Kriticheskie ocherki* [Church in the history of Russia (IX century — 1917). Critical Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 336 p. (In Russian)
23. Chikurova O. V. Missionerskaya deyatelnost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v usloviyakh provozglasheniya Ukaza "Ob ukreplenii nachal veroterpimosti" (Na primere Kazanskoi eparkhii) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the conditions of the proclamation of the Decree "On strengthening the beginnings of religious tolerance" (On the example of the Kazan diocese)]. *Gosudarstvo, Obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch.* [State, Society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries: materials of the XV Internat. sci. conf., in 2 parts]. Ivanovo, 2016, part 1, pp. 341—346. (In Russian)